

УДК 930.1(09)+930.8

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ФЕДОРА ШМИТА*Л.А. Сыченкова***Аннотация**

В статье представлен историографический обзор исследований о Федоре Ивановиче Шмите (1877–1937) с начала 70-х годов XX в. до настоящего времени. На материале ряда историко-искусствоведческих, археографических и науковедческих исследований прослеживается эволюция образа Ф.И. Шмита в советской и постсоветской литературе и оценивается его вклад в развитие гуманитарного знания.

Ключевые слова: Ф.И. Шмит, история искусства, биография, советская историография.

Федор Шмит – гуманитарий самого широкого профиля, изучавший проблемы античности, византиноведения, истории отечественного искусства от древности до новейшего времени, музеолог, специалист по детскому творчеству, автор оригинальной теории циклического развития искусства – принадлежал к плеяде выдающихся русских ученых, творческий расцвет которых пришелся на эпоху русских революций и первых послереволюционных десятилетий. Книгу Ф.И. Шмита «Искусство – его психология, его стилистика, его эволюция» И.Б. Михайловский уже в 1925 г. назвал явлением, которое «создает эпоху в науке об искусстве и вплетает лавры в венок, украшающий чело русской науки» [1, с. 25]. Однако высокая оценка творчества Ф.И. Шмита была вскоре забыта, и «возвращение» его имени и идей в отечественную науку началось только спустя несколько десятилетий несправедливого забвения.

В историографии, посвященной Ф.И. Шмиту, традиционно считается, что открытие его имени и наследия началось в 70-е годы XX в. Именно тогда ленинградские ученые (сначала Л. Новожилова [2], затем профессор М.С. Каган и его ученица Н.И. Ушакова) обратились к наследию забытого искусствоведа [3, с. 130–135; 4, 5]. Но мало кому известно, что еще в середине 60-х годов прошлого века идеи Ф.И. Шмита вдохновили советского искусствоведа Р.Б. Климова на создание «теории стадийного развития искусства» [6].

За почти 40-летний период изучения творческого наследия Ф.И. Шмита появилось уже около трех десятков исследований, которые сами могут стать предметом историографического анализа. Советские ученые последовательно «открывали» Ф.И. Шмита как византиниста [7], затем как теоретика эстетики [4], философа искусства [5], теоретика искусствознания [8, 9] и истории художественной культуры [10, с. 6–13], музеолога [11]. Поскольку Ф.И. Шмит жил и работал в разных городах СССР, географические «зигзаги» его жизненного пути нашли

отражение в специфике исследований о нем представителей научных школ Санкт-Петербурга (Ленинграда), Харькова, Киева, Москвы, Ташкента. Рост интереса к личности Ф.И. Шмита объясняется накоплением знаний о широчайшем научном диапазоне его исследований. Становится очевидным, что Ф.И. Шмиту удалось затронуть важнейшие проблемы всемирной истории художественной культуры, к осмыслению которых научная мысль постоянно возвращается.

В середине 70-х годов переписка ученого, сохранившаяся в семейном архиве и архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Ташкента, впервые была собрана и представлена в биографической рукописи его дочери – Павлы Федоровны Шмит (Ш), совершившей беспримерный подвиг восстановления доброго имени своего отца и возвращения в научный обиход его наследия. Однако при оценке значимости этого источника необходимо учитывать то обстоятельство, что воспоминания дочери были написаны в 70-х годах XX в. – в эпоху расцвета советского политического режима: социальный контекст, несомненно, наложил отпечаток на эти воспоминания. Пафос рукописи состоял в доказательстве того, что Ф.И. Шмит сумел стать «советским человеком», почти приблизился к марксизму в теории. В наши дни этот ракурс рассмотрения фигуры Ф.И. Шмита уже утратил свою политическую актуальность.

В конце 90-х годов было сделано первое подробное археографическое описание рукописного наследия Ф.И. Шмита, хранящегося в петербургских архивах [12]. Новым шагом на пути «открытия» наследия «не до конца забытого» теоретика искусства стала в 2010 г. первая публикация статьи Ф.И. Шмита 1933 г. о Н.П. Кондакове [13, с. 556–587] с комментариями академика Г.И. Вздорнова, сам факт которой заслуживает внимания историографов отечественного искусствознания. Однако комментарии Г.И. Вздорнова вызывают некоторые вопросы. Во-первых, почему статья опубликована именно сейчас? В комментариях не объясняется актуальность публикации. Статья Ф.И. Шмита была известна Г.И. Вздорнову уже более 30 лет. Что же помешало издать рукопись статьи раньше? Во-вторых, вызывает возражение утверждение Г.И. Вздорнова о том, что «за прошедшую четверть века никто из византинистов и новейших биографов Н.П. Кондакова не обращался к рукописи Ф.И. Шмита, что не может не удивлять, поскольку речь идет о двух выдающихся ученых» [13, с. 556]. Это не так: обращения к статье Ф.И. Шмита были. Достаточно назвать короткое, но многозначительное замечание, принадлежащее Е.Ю. Басаргиной, которое Г.И. Вздорнов по непонятным причинам проигнорировал. Еще в 1999 г. Е.Ю. Басаргина писала о мотивах, побудивших Ф.И. Шмита к написанию статьи о мэтре русского византиноведения – Н.П. Кондакове, образ которого был почти канонизирован в истории отечественной науки. Е.Ю. Басаргина расценила этот шаг со стороны Ф.И. Шмита как «попытку реабилитировать себя в глазах властей, поправ имя почтенного ученого» [12, с. 496]. Следует признать, что публикация, осуществленная Г.И. Вздорновым, в значительной степени позволяет снять обвинения подобного рода в адрес ученого. Содержание статьи Ф.И. Шмита предоставляет вдумчивому читателю возможность самостоятельно разобраться и в гражданской позиции ученого, и в мотивах написания статьи. Каждый исследователь вправе по-своему интерпретировать изложенные факты. Публикация статьи может стать поводом для

проведения специального исследования по истории взаимоотношений Н.П. Кондакова и Ф.И. Шмита.

В связи с изложенными в статье фактами весьма показателен пример из научной биографии советского искусствоведа В.Н. Лазарева, знакомого с Ф.И. Шмитом еще с 20-х годов. В 1925 г. будущий советский академик, а тогда – 28-летний искусствовед В.Н. Лазарев написал о Н.П. Кондакове комплиментарную работу [14], ставшую еще одним подтверждением огромного авторитета русского византиста, сохранявшегося в СССР даже после его эмиграции. В книге, изданной В.Н. Лазаревым на собственные средства, Н.П. Кондаков характеризовался как «крупнейший интерпретатор совершенно своеобразного художественного мира – мира русско-византийского искусства». В 1947 г., то есть на полтора десятилетия позднее Ф.И. Шмита, В.Н. Лазарев решился указать недостатки исследовательского метода Н.П. Кондакова [15, с. 19]. Но сделано это уже было тогда, когда критика не могла иметь последствий для автора публикации [16, с. 23].

Говоря о биографическом направлении изучения Ф.И. Шмита, следует отметить, что долгое время образ ученого воссоздавался по воспоминаниям дочери, архивным документам, его эпистолярному наследию. Первой публикацией биографии Ф.И. Шмита, основанной на воспоминаниях дочери, стала в 1980 г. статья В.Н. Прокофьева. В истории «открытия Ф.И. Шмита» до сих пор существует много неясностей. Сейчас трудно установить, какую роль сыграли в нем В.Н. Прокофьев и Р.Б. Климов. По словам Р.Б. Климова, он узнал о Ф.И. Шмите еще в 70-е годы, когда работал над своей теорией стадийного развития искусства. В процессе поиска предшественников своей теории Р.Б. Климов открыл для себя концепцию почти забытого на тот момент Ф.И. Шмита. Своими разысканиями, приведшими к открытию нового имени, Р.Б. Климов поделился с другом – профессором В.Н. Прокофьевым, который очень заинтересовался концепцией Ф.И. Шмита. После этого разговора в конце 70-х годов В.Н. Прокофьев сделал несколько докладов о Ф.И. Шмите в кругу московских искусствоведов. Узнав о коварстве своего друга, Р.Б. Климов прервал с ним все отношения и «засекретил» свои исследования. Эту историю автору статьи рассказал сам Р.Б. Климов в мае 1982 г. По случайному совпадению, беседа с Р.Б. Климовым состоялась на 40-й день со дня внезапной смерти В.Н. Прокофьева. Поскольку другие свидетельства, кроме устного рассказа, были неизвестны, публиковать эту информацию мы не решились. Но в 2004 г. история стала достоянием общественности благодаря друзьям и единомышленникам Р.Б. Климова. Для многих коллег и знакомых обнаружение этого факта стало неприятной сенсацией¹. Мотивы поступка В.Н. Прокофьева понять можно: на фоне закосневшего в псевдомарксистских схемах советского искусствознания 70–80-х годов открытие теории циклического развития искусства Ф.И. Шмита, предвосхитившее многие зарубежные концепции, могло стать прорывом в искусствознании. Творческое осмысление и освоение оригинальной теории Ф.И. Шмита позволило бы вывести одно из направлений отечественного гуманитарного знания на передовые рубежи мировой науки. Конечно, обнаружение «научного бриллианта» такой величины

¹ Этой новостью был, например, неприятно удивлен лично знавший В.Н. Прокофьева искусствовед Борис Бернштейн, живущий ныне в США. Но мой вопрос о мотивах, побудивших В.Н. Прокофьева к такому поступку, Б. Бернштейн ответил философски: «Широк человек».

сулило славу «первооткрывателя» В.Н. Прокофьеву – как первому публикатору. К сожалению, несмотря на наши симпатии к Р.Б. Климову, следует признать, что историографическим фактом стала именно публикация работы о концепции Ф.И. Шмита В.Н. Прокофьева.

Важным уточнением в биографии Ф.И. Шмита стало изменение даты его смерти на основании документов, обнаруженных в архивах ОГПУ. В.А. Афанасьев писал, что Ф.И. Шмит был расстрелян в 1937 г., то есть гораздо раньше принятой прежде даты – 1941 г. [16, с. 173]. До 1992 г. ошибочную дату смерти повторяли все исследователи творчества ученого. В.А. Афанасьеву удалось установить¹, что «полученная родными в 1956 году во время реабилитации официальная справка о смерти, где сообщалось, что Ф.И. Шмит умер 10 ноября 1941 года в лагере “от старческой дряхлости”, оказывается “липой”» [16, с. 173].

За исключением этого уточнения, на протяжении многих лет биография Ф.И. Шмита практически не изменялась и воспроизводилась с разной степенью полноты С.Л. Чистотиновой (1994) и Е.Ю. Басаргиной (1999). На рубеже 2000-х годов начался новый этап в биографистике Ф.И. Шмита: появилась масса ранее неизвестного источниковедческого материала, преимущественно мемуарного характера, позволяющего более подробно осветить некоторые сюжеты жизни ученого и его взаимоотношения в профессиональном сообществе. В потоке воспоминаний явно обозначилась новая тенденция: развенчать легенду о Ф.И. Шмите. Такую позицию заняла Т.Д. Исмагулова, подготовившая к печати текст воспоминаний В.П. Зубова [17, с. 140]. Оценивая новую тенденцию в биографистике Ф.И. Шмита, можно лишь заметить, что вновь появившиеся мемуары не вызывают большого доверия и что для верификации изложенных в них фактов требуется сопоставление с другими видами источников.

С биографией Ф.И. Шмита связана и история ряда научных институтов, в которых он работал: Русского археологического института в Константинополе, Российского (государственного) института истории искусств (далее ГИИИ) и Академии истории материальной культуры в Ленинграде. В советское время история этих учреждений была достаточно полно представлена в художественной мемуаристике [18]. Системное исследование этих гуманитарных центров российской науки и образования началось только в 90-е годы XX в. Истории ГИИИ посвящено специальное исследование Е.Ю. Басаргиной [19]. Однако вновь открывшиеся факты свидетельствуют о том, что создание «историографического образа» этого учреждения, сыгравшего значительную роль в истории отечественного искусствознания и становлении советской интеллектуальной элиты, еще не завершено. Так, в одной из юбилейных статей 2007 г. имя Ф.И. Шмита не упоминается [20]. Такой вариант переосмысления истории ГИИИ грозит опасностью новых фальсификаций. В последние годы опубликовано большое количество

¹ Сведения были получены на основании ответа на запрос В.А. Афанасьева о содержании «ташкентского дела» Ф.И. Шмита в КГБ Узбекской ССР. В официальном документе, подписанном заместителем начальника подразделения КГБ УзССР В.П. Мельниченко, от 15 мая 1991 г. за № 10/3293 сообщалось, что он «обвинялся в том, что входил в контрреволюционную фашистскую организацию русских и украинских националистов, руководил ячейками организации в ленинградских научных учреждениях, являлся непримиримым врагом советской власти, систематически проводил фашистскую контрреволюционную агитацию. 5 ноября 1937 года “тройкой” при НКВД УзССР Шмит Ф.И. осужден к ВМН – расстрелу. 3 декабря 1937 года приговор приведен в исполнение в г. Ташкенте. Сведений о месте захоронения не имеется».

мемуарной литературы о ГИИИ [21], в которой встречаются самые разные оценки деятельности Ф.И. Шмита. В этой связи невозможно обойти вниманием воспоминания Н.М. Толмачевской [22]. Хронологически события жизни Ф.И. Шмита совпадают с фактами, указанными Н.М. Толмачевской. Но какова была действительная роль Н.М. Толмачевской в организации выставки в Германии 1926 г. и чем была обусловлена линия поведения Ф.И. Шмита как директора ГИИИ? Невозможно ответить на эти вопросы, не попытавшись верифицировать материалы мемуаров.

В истории ГИИИ пока сохраняются пробелы, которые, на наш взгляд, по силам заполнить только кропотливому исследователю. Как известно, с 2000 г. К.А. Купман ведутся архивные разыскания для монографии «История Словесного отделения Института истории искусств» при поддержке Американского совета научных сообществ (American Council of Learned Societies). К.А. Купман удалось установить, что часть документов ГИИИ была фальсифицирована уже во второй половине 20-х годов. В недавно вышедшем исследовании К.А. Купман в деталях рассмотрена история ГИИИ [23]. На материале огромного массива впервые привлеченных к анализу архивных документов практически по дням реконструируется жизнь института, объясняются многие ранее известные факты. Следует заметить, что в свете новых данных образ Ф.И. Шмита мало изменился. Его успехи в борьбе за сохранение института, увеличение финансирования, учреждения дополнительных штатных ставок для сотрудников только подтверждают его административные способности. Характеризуя компромиссный стиль поведения Ф.И. Шмита, обусловленный исключительно его желанием спасти ГИИИ как уникальное образовательное и научное учреждение, К.А. Купман называет его в числе «сервильных» сотрудников института. На наш взгляд, вряд ли можно считать удачным использование этого устаревшего эпитета¹ в характеристике поведения ученых, вынужденных, подобно Ф.И. Шмиту, считаться с волей функционеров от науки и образования. В своем исследовании К.А. Купман использует не только материалы архивного фонда Ф.И. Шмита в ЦГАЛИ, но и выдержки из воспоминаний дочери ученого, опубликованные в сборнике мемуаров [24]. На наш взгляд, в рукописи воспоминаний дочери ученого (без купюр) картина его противостояния Я. Назаренко и другим партийным функционерам представлена полнее (Ш).

Возвращение музеологической концепции Ф.И. Шмита началось с издания монографии о нем С.Л. Чистотиновой, в которой впервые был дан небольшой очерк музеологического наследия ученого. С.Л. Чистотиновой удалось определить те направления концепции Ф.И. Шмита, которые в скором времени оказались востребованными музейной практикой: разработанная им типология музеев, методика их организации, концепция музея о детях и для детей, в том числе музеев детского творчества, игрушки [11].

Современные историки музеологии определяют место Ф.И. Шмита в одном ряду с такими музееведами начала XX в., как Н.И. Романов, Н.Г. Машковцев, И.Э. Грабарь, А.У. Зеленко, Н.Д. Бартраме, Б.Ф. Адлер, Г.Л. Малицкий, Я. Мексин и др. Более того, историографы музеологии называют Ф.И. Шмита одним

¹ Сервильный (*лат. servilis* – рабский): угодливый, раболепный; чрезмерно услужливый человек.

из основоположников советской музееведческой школы [25]. По признанию современных специалистов, труды Ф.И. Шмита по теории музейного дела превосходят работы шотландских музеологов Д. Марри, С. Ричарда, а в отдельных аспектах даже превосхищают идеи австрийского исследователя Альмы Уиттлин [26].

Парадоксально, но известная в СССР только узкому кругу специалистов книга «Музейное дело» была хорошо знакома зарубежным современникам Ф.И. Шмита. В вышедшей в Париже в начале 1930 г. «Интернациональной анкете о реформе музеев» под редакцией Ж. Вильденштейна, в которой приняли участие руководители музеев Европы и Америки, Советский Союз представлен именно Ф.И. Шмитом. Для отечественного музеологического сообщества сегодня стало очевидно, что теория Ф.И. Шмита «весьма плодотворна. Она убеждает и заставляет мысль работать» [26, с. 47]. Однако феномен «историографической тайны» музейной концепции Ф.И. Шмита, о которой многие знали, но долгие годы умалчивали, еще требует осмысления. В последние два десятилетия значительно вырос индекс цитирования этой книги: текст Ф.И. Шмита растащили на цитаты и фрагменты, стало модным ссылаться на него как на «классика музеологической мысли» [27, с. 114]. Популярность книги в последние десятилетия можно объяснить не только стремлением восстановить утраченные связи с советскими музееведческими концепциями 20-х годов, но и недостаточной теоретической разработанностью ряда направлений этой области знания.

Если в осмыслении общей теоретической концепции развития искусства Ф.И. Шмита сделано уже достаточно много [28, 29, с. 10–18], то вклад ученого в исследование детского творчества пока еще не получил достойного признания. В наше время продолжается осмысление подхода Ф.И. Шмита к изучению детских рисунков. Так, О.Л. Некрасова-Каратеева рассматривает результаты поисков Ф.И. Шмита в этом направлении в одном ряду с трудами таких известных европейских специалистов по психологии детского художественного мышления конца XIX – начала XX в., как К. Риччи, З. Левинштейн, Г. Кершентшейнер, Ж. Люкэ, Ж. Рум, К. Бюль. Новации Ф.И. Шмита проанализированы в контексте не только экспериментальных разработок Ю.Н. Болдырева, А.В. Бакушинского, Н.А. Рыбникова, но и теоретических поисков художников В.В. Кандинского и В.А. Фаворского [30].

Следует заметить, что в историографии пока не получила заслуженной оценки разработанная Ф.И. Шмитом методика преподавания истории античного искусства школьникам, которая, на наш взгляд, не потеряла своего прикладного значения и может найти применение в современном учебном процессе. Практически неизвестной остается разработанная Ф.И. Шмитом методика преподавания школьникам истории искусства.

Новую историографическую традицию изучения деятельности Ф.И. Шмита в Харькове и Киеве представляют современные украинские искусствоведы и историки. Активное освоение многопланового наследия ученого было начато еще в советское время: в Харькове в 1987 г. была проведена конференция, посвященная 110-летию со дня рождения Ф.И. Шмита. На конференцию были приглашены потомки Ф.И. Шмита: его дочь – Павла Федоровна, московские племянники.

Современные украинские историографы высоко оценивают вклад Ф.И. Шмита в развитие национального византиноведения [31, 32] и искусствознания [33]. Одними из первых харьковские историографы обозначили новое направление в изучении персоналии Ф.И. Шмита – тему его научной школы [34]: именно в украинский период деятельности Ф.И. Шмита в Харькове и Киеве формируется круг учеников и последователей.

Эпизодически интерес к творческому наследию Ф.И. Шмита, возникший еще в советское время, проявляется в наши дни и в узбекской историографии [35]. Признаются заслуги Ф.И. Шмита, наряду с другими ссыльными интеллигентами 30-х годов, в изучении среднеазиатского искусства [36].

Наследие Ф.И. Шмита многогранно, однако не все его грани изучены к настоящему времени одинаково хорошо: до сих пор остаются без внимания его концепция русского искусства и исследования по филогенезу художественно-изобразительного мышления детей, не получил заслуженной оценки его вклад в дело сохранения культурного наследия. Не осмыслены интересные идеи Ф.И. Шмита по развитию новой модели искусствоведческого образования.

Теория Ф.И. Шмита остается практически незнакомой мировому научному сообществу, несмотря на то что широкую известность получили аналогичные теории, созданные западными искусствоведами. Только спустя полвека, по утверждению А.С. Дриккера, выявленная Ф.И. Шмитом эволюционная закономерность в искусстве была заново открыта английским историком и теоретиком искусства Э. Гомбрихом [37]. Верность основных положений теории Ф.И. Шмита [25, с. 54] подтверждает проведенный современными культурологами сравнительно-сопоставительный анализ концепций немецкого и русского искусствоведения. Такие оценки можно рассматривать как одну из попыток вписать, хотя бы и с опозданием, имя Ф.И. Шмита в историю мировой науки. Несправедливым мы считаем то, что монографии и учебники Э. Гомбриха переиздаются многочисленными тиражами не только в Европе, но и в России, тогда как не менее оригинальные труды Ф.И. Шмита остаются известными только узкому кругу специалистов. Становится дурной традицией признание российского интеллектуального наследия только по получению им известности за рубежом.

Итак, принятое в отечественной науке дифференцированное рассмотрение деятельности Ф.И. Шмита не позволяет создать целостный историографический образ ученого, поэтому нельзя говорить о настоящем «возвращении» его в историю российского гуманитарного знания. Кроме того, тормозит процесс культурно-исторического оформления образа ученого драматичная история его жизни: каждый исследователь, впервые знакомящийся с биографией ученого, по-своему эмоционально переживает эту историю. В связи обнаружением новых свидетельств о нюансах разногласий ученых столь отдаленной эпохи позволим себе одно замечание этического характера. Наши знания позволяют нам обсуждать поступки ученых, но не осуждать их. Нельзя забывать о ситуации 30-х годов, о том, как «ломали» Ф.И. Шмита, о том, что он был расстрелян в 1937 г., в том числе по причине своего немецкого происхождения, так же как и его 28-летний сын-ихтиолог, работавший на Севере.

Безусловно, восстановление биографии Ф.И. Шмита – задача важная и благородная, ее изучение помогает понять мотивы его поступков и условия формиро-

вания его мировоззрения. Однако пришло время отказаться от «портретной биографии» и перейти на новый уровень осмысления его творческого наследия: для того, чтобы определить его место в системе российского гуманитарного знания, необходимо осуществить комплексное изучение трудов ученого на основе историко-культурного подхода в рамках того синтетического знания, к которому он интуитивно продвигался, в контексте которого он стремился понять законы развития искусства.

Summary

L.A. Sychenkova. The Historiographical Image of Fedor Shmit.

The article presents a review of the historiographical studies on Fedor Ivanovich Shmit (1877–1937), published from the 1970s up to the present. Based on the material of a number of researches relating to art history, archaeography, and science history, we trace the evolution of the image of F. Shmit in the Soviet and post-Soviet historiography and assess his contribution to the development of humanities knowledge.

Key words: Fedor Shmit, history of arts, biography, Soviet historiography.

Источники

Ш – Шмит П.Ф. Жизнь Федора Ивановича Шмита (1877–1941). Воспоминания об отце. Ч. 1–2 // Научный архив Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Ф. 55. Д. 47. 420 л.

Литература

1. Михайловский И.Б. Архитектурные ордера. – Л.: Изд-во Брокгауз – Ефрон, 1925. – 162 с.
2. Новожилова Л.И. Социология искусства: Из истории советской эстетики 20-х гг. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 128 с.
3. Каган М.С. Морфология искусства: Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. – Л.: Искусство, 1972. – 440 с.
4. Ушакова Н.И. Проблемы философии истории в трудах Ф.И. Шмита // Философия, история, современность. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – С. 101–107.
5. Ушакова Н.И. Проблема философии истории в советской эстетике (20-е годы). Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Л., 1977. – 18 с.
6. Климов Р. Теория стадийного развития искусства и статьи / Сост. Е. Плавинская, М. Плавинская. – М.: ОГИ, 2002. – 512 с.
7. Банк А.В. Ф.И. Шмит (К 90-летию со дня рождения) // Византийский временник. – М.: Наука, 1969. – Т. 30. – С. 318–320.
8. Прокофьев В.Н. Художественная критика, история искусства, теория общего художественного процесса: их специфика и проблемы взаимодействия в пределах искусствознания // Советское искусствознание '77. – М.: Сов. художник, 1978. – Вып. 2. – С. 233–265.
9. Прокофьев В.Н. Федор Иванович Шмит (1877–1941) и его теория прогрессивно-циклического развития искусства // Советское искусствознание '80. – М.: Сов. художник, 1981. – Вып. 2. – С. 252–285.
10. Пивненко А.С. Художественная жизнь города Харькова второй половины XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990. – 16 с.

11. *Чистотинова С.Л.* Федор Иванович Шмит. – М.: Дело, 1994. – Вып. 1. – 208 с.
12. *Басаргина Е.Ю.* Ф.И. Шмит: материалы к биографии // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 478–496.
13. *Шмит Ф.И.* Византиноведение на службе самодержавия: Н.П. Кондаков // Искусствознание. – 2010. – № 3/4. – С. 556–595.
14. *Лазарев В.Н.* Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. – М., 1925. – 47 с.
15. *Лазарев В.Н.* Искусство Новгорода. – М.; Л.: Искусство, 1947. – 180 с.
16. *Афанасьев В.А.* Ф.И. Шмит. – Киев: Наукова думка, 1992. – 216 с.
17. *Зубов В.П.* Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925) / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Т.Д. Исмагуловой. – М.: Индрик, 2004. – 320 с.
18. *Каверин В.А.* В старом доме // Каверин В.А. Избр. произведения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1977. – Т. 2. – С. 475–594.
19. *Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 62–92.
20. *Кузнецова Л.В.* Институт истории искусств: взгляд назад в преддверии юбилея // Мир русского слова. – 2007. – № 1/2. – С. 91–97.
21. Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общ. ред. И.В. Сэпман. – СПб.: РИИИ, 2003. – 304 с.
22. *Толмачевская Н.М.* Мой путь в искусстве // Российский институт истории искусств в мемуарах / Под общ. ред. И.В. Сэпман. – СПб.: РИИИ, 2003. – С. 44–47.
23. *Купман К.А.* Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов. – URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=1SfRoURS2-k%3d&tabid=10460>, свободный.
24. *Шмит П.Ф.* Воспоминания об отце // Российский институт истории искусств в мемуарах / Под ред. И.В. Сэпман. – СПб.: РИИИ, 2003. – С. 191–214.
25. *Юренева Т.Ю.* Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004. – 492 с.
26. *Дриккер А.С.* Эволюционный цикл художественной культуры. К развитию теории Ф.И. Шмита // Собор лиц: Сб. ст. / Под ред. М.Б. Пиотровского, А.А. Никоновой. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 47–55.
27. *Астафьев В.В., Сыченкова Л.А.* Рецензия на научное издание «Вопросы музеологии» (The Problems of Museology) // Обсерватория культуры. – 2011. – № 5. – С. 110–115.
28. *Кулаев К.В.* Ф.И. Шмит как теоретик эстетического воспитания // Искусство. – 1988. – № 7. – С. 34–36.
29. *Кулаев К.В.* Становление теории и практики эстетического воспитания в отечественной культуре 20-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1991. – 39 с.
30. *Некрасова-Каратеева О.Л.* Детский рисунок: комплексное искусствоведческое исследование: Дис. ... д-ра искусствовед. – СПб., 2005. – 429 с.
31. *Домановский А.Н.* Отечественная византистика и славяноведение в историографическом наследии В.П. Бузескула (по малоизвестным архивным материалам) // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Междунар. науч. конф. – Харьков: ООО «НТМТ», 2008. – С. 65.
32. *Домановский А.Н., Сорочан С.Б.* Харьковская византистика: истоки, история, перспективы // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тез. док. XIX Всерос. науч. сессии византинистов. – М., 2011. – С. 90–96.

33. *Филиппенко Р.И.* Харьковская школа истории искусства: Е.К. Редин // Общество, среда, развитие. – 2010. – № 1 (14). – С. 120–124.
34. *Побожий С.И.* Из истории украинского искусствознания. Феномен харьковской университетской школы искусствознания // Собор лиц: Сб. ст. / Под ред. М.Б. Питровского, А.А. Никоновой. – СПб.: СПбГУ, 2006. – С. 87–96.
35. *Курбанмамадов А.* Эстетическая доктрина суфизма. Опыт критического анализа. – Душанбе: Дониш, 1987. – 108 с.
36. *Чухович Б.Л.* Искусство Средней Азии в востоковедческих работах академика Ф.И. Шмита // Культурные ценности 1996 / Отв. ред. Р.Г. Мурадов. – СПб., 1998. – С. 78–119.
37. *Соколов М.Н.* Эрнст Гомбрих // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 491–492.

Поступила в редакцию
15.11.11

Сыченкова Лидия Алексеевна – доктор исторических наук, доцент кафедры музеологии, туризма и охраны памятников Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: l.sichenkova@yandex.ru